

Цзян Цзи и Лу Синъянь обычно переписывались недолго.

Причина проста: Цзян Цзи — человек слова экономного, Лу Синъянь — человек слова лишнего и изматывающего. В итоге любое обсуждение умирало где-то посередине — Цзян Цзи просто переставал отвечать.

У Лу Синъяня с самооценкой всё было тонко настроено: если ему не отвечали полчаса — всё, катастрофа, личное оскорбление вселенского масштаба. Правда, обижаться он умел только в одном стиле: «Мне всё равно! Я тебе ещё покажу!» И начинал клясться, что вот однажды Цзян Цзи сам напишет — а он тогда устроит такой молчаливый игнор, что тот сам приползёт на коленях умолять о словечке.

Проблема в том, что Цзян Цзи почти никогда не писал сам. Никогда.

Лу Синъянь уставился на своё жалобно-няшное «Ты не мог бы меня подлечить?», вспомнил, каким писклявым тоном он это «пищал» — и аж передёрнулся от злости: ну как так? Даже этот щенок с огромными глазами не пробил! Да он этого Цзян Цзи так не оставит!

Лу Синъянь: «Цзян Цзи Цзян Цзи Цзян Цзи ОvО отзовись же!»

Великая месть требовала терпения — он проглотил остатки гордости и выдавил ещё одно: «Цзян Цзи! Ну плиииз!»

И вдруг — чудо. Цзян Цзи всё-таки соизволил:

Цзян Цзи: «После работы поговорим.»

Лу Синъянь аж подскочил с кресла, сияя как новогодняя гирлянда. Радостно собрал грязную посуду на кухню (а вдруг удача — от хороших дел!), потом поплёлся в ванну вымывать своё «пушистое нутро», а после отрубился спать — нужно же подзарядиться перед новым раундом гениальной стратегии.

Проснулся он ближе к десяти вечера — за окном крошечная тьма, голова ещё в подушке, а палец уже шарит по экрану: «Ну? Не написал?»

Увы. Цзян Цзи молчал, зато Сун Чэн радостно скинул фотку с «романтическим выездом в Японию».

Лу Синъянь мрачно отстрелял ему: «Отвали»

Потом вернулся к главному фронту — открыл чат с Цзян Цзи и напечатал:

Лу Синъянь: «Ты дома?» — и для надёжности прилепил щенка с глазами «ну пожа-алуйста».

Через пару минут пришло два ледяных:

Цзян Цзи: «В пути.»

И вот тут Лу Синъянь растаял — погода «пасмурно» сменилась на «солнечно».

Щёлкнул свет, поплёлся в ванну проверить, не расползлось ли лицо от всех этих нервов. Умылся, выдраил зубы до скрипа, скинул пижаму — и устроил тотальный шмон гардероба. Минут через пять отсеял всё унылое, выудил безупречно «невинно-университетский» лук: свежий, чистенький, словно сейчас пойдёт красоваться на обложке глянца для пай-мальчиков.

Волосы — отдельная спецоперация. Дунул феном, уложил идеально, глянул в зеркало — паинька хоть сейчас в рамочку. Образ примерного бедняжки утверждён.

Спустился вниз — и влип. Лу Юн и Цзян Ваньши ещё сидели в гостиной, смотрели телевизор. Заметили своё дитяtko, наряженное в десять вечера как первоклашка на линейку, — оба обалдели.

Лу Юн прищурился:

— Ты куда это так вырядился?

Лу Синъянь замялся, ковыряя носком ковёр:

— Э... ну, типа... туда-сюда.

Ответил так, что яснее не стало ни на грамм. Обогнул родных и быстро шмыгнул за дверь.

Во дворе у них сад, просторный. Апрель, весна вовсю. Лу Синъянь нервничал — чтобы не сойти с ума, стал обрывать цветы с яблони: сорвал — швырнул, сорвал — швырнул, заодно про себя отсчитывая минуты.

Минут через семь или восемь вдали вспыхнули фары — Цзян Цзи вернулся.

Внутри у Лу всё ёкнуло. Волновался? Ну ещё бы — это ж не очередная перебранка. У него теперь целый план. Орать бесполезно — придётся играть роль: «запутавшийся бедный младший брат, мучается под тяжестью страшной тайны».

Цзян Цзи мягкий внутри, хоть и делает вид, что из бетона. Наденешь на себя маску «я весь такой несчастный» — треснет, раскрошится. Главное — жалеть себя убедительно. Ну, и смотреть щенячьими глазами. Это Лу Синъянь умеет.

Сценарий Лу Синъянь прокрутил за секунду. Вышел прямо под свет фар — нагло, без лишних приток. Остановил машину взмахом руки.

Цзян Цзи сбавил скорость, открыл окно. Лицо — выточенное из мрамора, идеально-спокойное, только в глазах промелькнуло что-то вроде удивления.

Лу Синъянь наклонился ближе:

— В дом не пойдём. В машине удобнее.

Цзян Цзи кивнул. Лу Синъянь молча обошёл капот и сел рядом.

Сидеть в машине Цзян Цзи — само по себе уже событие. На пассажирском он бывал, если честно, от силы пару раз. Для Цзян Цзи это просто кресло — кожа, металл, пластик. Для кое-кого из тех, кто тешит себя мечтами, — чуть ли не алтарь.

Он вспомнил, как в том самом чате «Как заарканить Цзян Цзи» кто-то писал почти с придыханием: «Вот бы однажды оказаться на пассажирском у Цзян Цзи-ге, кататься с ним по

городу...»

Тогда Лу едва не подавился смехом: «Цзян Цзи-ге»? Серьёзно? С чего ты вдруг решила, что он тебе какой-то ге?»

А сейчас это вдруг вспомнилось. Чужое глупое воображение — и его собственная реальность. Странное ощущение. Он скользнул взглядом по профилю Цзян Цзи.

Тот тоже смотрел на него. Всё та же рубашка с пиджаком, как днём, только теперь галстук сбит набок, верхние пуговицы расстёгнуты — ключица под белой тканью почти светится. Вид у него после работы особый: усталый, чуть хищный, холодный, будто ему всё это разговоры — лишняя морока.

Взгляд Лу поднялся выше — от ключицы к кадыку, по линии челюсти, к губам... И тут он поймал его взгляд. Сердце дёрнулось, знакомый запах духов обдал лицо — тесно, воздух прогретый, никуда не деться. Лу вдруг подумал, что зря затащил весь этот спектакль именно сюда. Машина маленькая. Цзян Цзи близко. Слишком близко.

— Чего молчишь? — Цзян Цзи щёлкнул свет.

Лучше бы не включал. Теперь Лу Синъянь сидел под ярким светом, весь как на ладони — не спрятаться, не отвернуться. Даже руки неловко лежали на коленях, будто не свои.

Нет. Рано пасовать. Ещё ничего не началось.

Он чуть выпрямился, проглотил ком в горле и сказал ровно:

— Я уже всё сказал. Жду твоего совета.

Цзян Цзи смотрел спокойно, но так, будто видел все его мелкие мысли насквозь:

— Не смейся. С чего ты вдруг решил из себя простого школьника строить?

Лу Синъянь вздохнул и сложил губы в жалобную складочку:

— Да правда. Сам не понимаю — девчонки не трогают совсем. Думал... ну, может, ты расскажешь, как это у тебя было. Когда понял, что тебе нравятся парни? Научи меня.

Цзян Цзи чуть дернул бровью, голос был сухой:

— Тут нечему учить. Ты серьёзно сам не понимаешь, тянет или нет?

— Не понимаю, — Лу Синъянь сделал самые чистые глазки. — Я же ни с кем близко не пробовал...

Он замолчал, а потом упрямо добавил:

— А ты? Ты почему всё время уходишь от ответа?

— А у меня тоже ничего не было, — Цзян Цзи спокойно отрезал.

— Не верю.

Он смотрел на Цзян Цзи так, будто хотел прорваться сквозь кожу и найти там хоть крошку

правды. А внутри, за этим спокойным лицом, всё клокотало: да видно же — не новичок он, не святой. Злило, тянуло, разъедало одновременно, и от этого хотелось дышать глубже — хоть чем-то заполнить тесный воздух между ними.

Лу замолчал, но взгляд не отвёл — и в мыслях уже приписал Цзян Цзи все сплетни и полуспетни, какие только приходили в голову, выдумал новые, приправил их подробностями, чтобы хоть чуть успокоить бешенство внутри. Но не успокоил — только сильнее захотелось вцепиться, дожать, сорвать это хладнокровие с лица.

Ничего, всё ещё впереди. Этот холодный гад ещё узнает, каково это — когда кто-то не боится играть до конца.

— Если ничего не было, — Лу Синъянь не отставал, — с чего ты тогда понял? Что ты там делал — фантазировал? Звёздочку себе выбрал? Или... кино смотрел?

Цзян Цзи чуть вскинул брови:

— Ты не думаешь, что это уже похоже на сексуальное домогательство?

— Да нет же! — Лу Синъянь сразу стушевался, нос дотронул, взгляд спрятал. — Мы же просто говорим...

И тут же включил свой коронный «щенок с улицы»:

— Ну помоги мне хоть ты. Я правда не знаю, к кому ещё. Мне тяжело с этим... правда.

Цзян Цзи ничего не ответил — только смотрел.

Жаль, что Лу не умел натянуть на лицо гримасу «QAQ» из чатов — вживую бы это точно сработало.

Впрочем, Цзян Цзи уже прекрасно понимал главное правило этого обезбашенного: «Лу Синъянь всегда мутит какую-то фигню».

А уж какая именно фигня — детали не важны. Лу Синъянь способен на любую чушь.

Цзян Цзи глянул на него — явно понял, что этот театр с «бедным запутавшимся мальчиком» будет длиться вечно. Спокойно открыл бардачок, достал сигареты и зажигалку, щёлкнул — и затанулся.

Курить Цзян Цзи начал только в прошлом году.

Тогда у компании были проблемы, всё висело на волоске. Хотел занять денег у Лу Юна, но сжал зубы и вытянул всё сам. Семья так и не узнала, что творится у него с бизнесом — он не любил вываливать всё наружу.

Цзян Цзи никогда не любил раскладывать всё по полочкам вслух — если болит, значит, сам и разберёшься.

Не то что Лу Синъянь. Тот умудрялся разыграть целый сериал в соц. сетях из-за одного чиха: «Температура! Нет таблеток! Вызвал доставку! Курьер опоздал! Курьер ошибся дверью! Еле добыл лекарства! Оказалось, не те!» И всё это — десять постов в ленту подряд.

Такой цирк Лу Синъянь устраивал с пелёнок. Если Цзян Цзи был в хорошем настроении — мог

посмеяться. Если в плохом — хотелось выкинуть этот театр вместе с актёром.

Хотя злился он вовсе не на Лу Синъяня как на человека — просто они слишком разные. Живут под одной крышей, но словно с двух противоположных полюсов. И всё же, если бы рядом были только такие, как он сам, — серая тоска бы стояла мёртвым грузом.

Цзян Цзи выдохнул дым и задержал взгляд на Лу Синъяне, как на экране, где вот-вот начнётся новый эпизод. Лу Синъянь впервые видел, что тот курит — глаза расширились:

— Ты куришь?

— Ага. Ну и что? — голос у Цзян Цзи мягкий, ленивый, чуть глухой от дыма.

— Я и не знал... Запаха не было... — Лу Синъянь едва слышно сглотнул. Только духи. Теперь понятно, зачем они — скрывать этот терпкий запах. Он пробормотал почти шёпотом: — Ты бы поменьше курил. Вредно же.

Цзян Цзи не ответил. Он лишь медленно поднял руку с сигаретой, дым стелился между ними — и подался ближе, так что Лу Синъянь ощутил этот тёплый шлейф прямо на коже.

Лу не ожидал. Он едва заметно отшатнулся, но тут же уткнулся лопатками в спинку кресла — отступать некуда. Сердце ухнуло вниз, а потом пошло в разгон, будто внутри кто-то застучал кулаками по рёбрам.

— Ты... что ты делаешь? — голос дрогнул и сорвался на полуслове.

— Ты же хотел, чтобы я помог, — Цзян Цзи склонился ближе, дым из его рта обдал щёку Лу Синъяня. В зрачках Цзян Цзи отражалось всё его смятение — крупно, отчётливо, будто смотрел на своё собственное разоблачение.

Лу Синъянь глухо выдохнул:

— Хочу...

— Хорошо, — сказал Цзян Цзи и щёлкнул пальцем по кнопке — свет в салоне погас.

Машина провалилась в темноту. Только тлеющая искра сигареты мерцала у самого края губ — крохотный красный маяк посреди черноты. Лу вдруг понял, что воздуха почти не осталось — весь он будто где-то там, между ладонью Цзян Цзи и этой сигаретой.

Цзян Цзи снова придвинулся, медленно, без единого резкого движения. Теперь их дыхание перемешалось — Лу чувствовал, как табачный дым вплетается прямо в его собственный вдох, цепляется за горло, жжёт изнутри. Он не мог ни выдохнуть, ни отвернуться.

— Ты... ты меня... — слова едва шевелились на пересохших губах. — Ты меня сейчас поцелуешь?

В ответ — только тепло дыхания у самого рта. Пальцы Цзян Цзи скользнули к его подбородку, чуть подтолкнули вверх, так что Лу сам подался ближе.

Цзян Цзи тихо рассмеялся — коротко, низко. Его пальцы с холодной сигаретой легли Лу Синъяню на шею и чуть прижали кожу, будто перехватывая артерию. В тот же миг всё тело Лу Синъяня обратилось в камень — он не дышал, только слушал, как сердце гулко бьётся под чужими пальцами.

— Нравится? — голос Цзян Цзи стал хриплым, чуть глухим от дыма. — Или противно?

Лу Синъянь едва заметно мотнул головой, сам не понимая, на что он так отвечает. В голове пульсировала пустая белая рябь — ни одной связной мысли. Он сжал губы, откинулся к спинке, будто опасался: стоит двинуться ещё на миллиметр — и он точно коснётся этих губ.

Но страх оказался лишним — Цзян Цзи держал расстояние безукоризненно: настолько близко, что каждый выдох щекотал кожу, но не ближе. Почти соприкосновение — и всё.

«Так значит... не поцелует?» — промелькнуло у Лу Синъяня. Сердце, которое ещё секунду назад подпирало горло, медленно опустилось обратно в грудь. И там вдруг стало пусто — пусто до тошноты. Внутри всё сдулось и опало, будто всё тело держалось только на этом взгляде, а теперь опора исчезла, и Лу чуть не соскользнул в кресле.

Хотя по факту он так и остался сидеть — точно там же, на холодном пассажирском. Ни объятий. Ни поцелуя. Только это зыбкое «почти». И полная тишина, где сердце звенит громче всех слов.

Он застыл, как зависший экран, где всё крутится в круге загрузки — но не включается.

Цзян Цзи спокойно стряхнул пепел, затушил сигарету, опустил стекло — впустил в машину ночь, сырой воздух, запах весны. Скользнул по Лу взглядом — коротким, безжалостным:

— Если тебе так тошно даже от самой мысли — прекращай свое шоу и иди домой.